

УДК 811.161.1

СПЕКТР ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ОЧЕРКЕ И. СЕЛЬВИНСКОГО «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАМЧАТКЕ»

Михаил С. Ястребов-Пестрицкий^{1, @}¹ Государственный архив РФ, 119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 17@ myr-63@mail.ruПоступила в редакцию 29.11.2016.
Принята к печати 02.08.2017.**Ключевые слова:** вторичная номинация, косвенная номинация, метонимический перенос, семантическая сфера, переход значения денотата.**Аннотация:** Из научной литературы известно, что явления косвенной номинации относятся к периферии лексико-семантической системы языка и еще слабо исследованы (см., например, указание на это в работах В. Н. Телии). Наш фактический материал показывает, что И. Сельвинский активно использует в своем творчестве косвенную номинацию как прием метафорического переноса для создания ярких художественных образов и ассоциаций. В целом вторичная номинация у И. Сельвинского отражает индивидуально-значимую образную языковую картину мира (ЯКМ) за счёт семантической двуплановости, основанной на сходных признаках денотатов (двух или более), которые реализуются в контексте произведения. По особенностям «поведения» метафоры в синтагматике на фоне смежных явлений можно сделать вывод о случаях несовпадения исследуемых единиц с литературной нормой как того времени, так и настоящего, если исходить из данных настоящего мини-исследования, где мы вскрыли и описали связь вторичной номинации как языкового феномена со стилистикой художественной речи, обусловленной – в данном случае – жанровой спецификой произведения.**Для цитирования:** Ястребов-Пестрицкий М. С. Спектр вторичных номинаций в поэтическом очерке И. Сельвинского «Путешествие по Камчатке» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 223–230. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-223-230.

Один из распространенных видов вторичной номинации называется **косвенной номинацией** [1, с. 199–204]. Она возникает, как правило, в связанных двучленных конструкциях-словосочетаниях, где одно слово – свободное, номинативно первичное, непереосмысленное, а второе – несвободное, связанное, переосмысленное. Последнее нагружается ассоциативно-смысловыми (коннотативными) признаками обычно на основе таких видов переноса, как метафора, метонимия, синекдоха. Приведем примеры косвенной номинации из исследуемого произведения: *буквы бегают, ходят туманы, охватит испуг, высечь имена, поднимаются берега* [2, с. 5–22], – в которых выделенные глагольные словоформы обладают косвенной номинацией метафорической природы, за счет чего и возникает семантический сдвиг всего словосочетания. **Цель** данной статьи – через представление вторичных номинаций в поэтическом очерке И. Сельвинского «Путешествие по Камчатке» выявить основные закономерности **метафорического переноса** в поэтическом творчестве указанного автора. В качестве одной из **задач** проведём исследование косвенной номинации как одного из приёмов, используемых И. Сельвинским в целях метафоризации тех или иных концептов. **Оптимальным выбором** для достижения поставленной цели представляется указанный **поэтический очерк** (определение самого И. Сельвинского), поскольку, являясь произведением поэтическим, но в то же время – в определённой степени – публицистическим и тем самым уникальным, он (данный очерк) практически не нашёл до сих пор отражения ни в лингвистических, ни в литературоведческих исследова-

ниях отечественных филологов. Кроме того, текст представляется идеальным для изучения вторичных номинаций ввиду обилия в нём последних. Даже если мы имеем дело с когнитивной экспликацией (в духе Лакоффа / Джонсона): *география – миф; Камчатка – лиловый гранитный факт*, т. е. наблюдаем движение по линии <абстракция – абстракция>, <физический мир – абстракция> и т. п., где задействованы модели «имя – имя» и на первый взгляд реализуется принцип сухой номинации, на самом деле превалирует принцип образной категоризации, «стремление субъекта к конкретно-чувственному, другими словами – эмпирическому, представлению некоего абстрактного признака» [3, с. 187].

Другой вид вторичной номинации – более сложный – базируется на переосмыслении не слова, а целого словосочетания или предикативной единицы, в результате чего возникают крылатые выражения и фразеологизмы-идиомы: *его аршином я мерю тела* [2, с. 11]. Значительное место в структуре вторичной номинации занимает **метонимия** – «вид тропа, в котором сближаются слова по смежности обозначаемых ими более или менее реальных понятий или связей» [4, с. 215]. Типология метонимических переносов достаточно разветвлена и зависима от характера смежающихся сущностей. Традиционно различают метонимию **пространственную, временную и логическую**, а собственно видов метонимических переносов насчитывают до двух десятков. (Относительно первого пункта отметим характерную деталь из более позднего исследования смежной тематики. О. Р. Темиршина замечает: «В системе метафор, возникающих в философско-эстетических работах

А. Белого, чаще всего встречается **пространственная метафора**» [5, с. 101]). В тексте «Путешествия по Камчатке» нами обнаружены яркие примеры метонимических конструкций: *Москвою, Харьковом, Ленинградом вымуштрованный; Тогда прочитай ей хоть «Птичку божью»; Блеснет усмешка в медном литье* и др. При этом следует отметить, что у большей части метонимических переносов практически прозрачна граница с метафорой. А в некоторых случаях ее невозможно провести: *Вот уж мой лысач захрипел* (с одной стороны, перенос по смежности: у человека лысая голова, а с другой – суффиксация привносит оценочное значение, характеризующее внешне)

Приведенная выше дефиниция включает в понятие метонимии и *синекдоху*, т. е. троп, созданный на основе количественного переноса (части на целое или наоборот), и само значение, возникшее на основе такого переноса. В рамках нашего исследования фактор отдельности не имеет значения, поэтому мы его здесь не обсуждаем. Однако примеры синекдохы из анализируемого текста приведём: *послушать баяна* (инструмент вместо исполняемого произведения); *сердце как шкурка заячья; за длинным рублём*. Такого рода переносных значений слов встречается значительно меньше, чем собственно метонимических, однако они тоже несут ярко выраженную функционально-оценочную нагрузку в тексте поэтического произведения и по большей части также не имеют жесткой границы с метафорой. Поэтому **фактор включенности иногда срывает**.

«Частными случаями вторичной номинации являются **аллюзии**, отсылки к другим текстам, <...> **реминисценции**» [6, с. 80], замечает Ю. А. Ахмедова. У И. Сельвинского, безусловно, такие разновидности вторичной номинации присутствуют: *есть упоение в бою; во глубине камчатских недр; страдания молодого бобра*. Закрепляются в языке в основном вторичные наименования, которые восполняют номинативные средства, недостающие в нём. Вместе с тем необходимо, чтобы способы этих наименований для данного языка были в значительной степени закономерны.

В сфере метафорических переносов как вторичной номинации мы можем наблюдать два способа отображения действительности и отнесения к обозначаемым объектам (явлениям) понятийного плана именований. Первый способ номинации, достаточно простой и прозрачный, состоит в непрямом отражении объекта; отражение здесь опосредуется предшествующим значением лексемы, признаки которой создают внутреннюю форму, наполняясь новым смыслом (см. наши предыдущие работы [7–15] и др.). **Номинативная ценность** нового значения зависит от содержащейся в нём информации. Такие производные значения лексем обладают уже самостоятельной номинативной функцией, например:

От Усть-Камчатска река плывёт

Унылым побережьём.

В данном текстовом фрагменте употреблено прилагательное *унылый*. Словарь Ушакова (далее – СУ) даёт значения: «испытывающий уныние» и «проникнутый унынием, выражающий уныние, наводящий уныние, грустный, мрачный» [16, с. 499]. В первом значении прилагательное употребляется по отношению к человеку, к субъекту психических процессов; во втором – по

отношению к каким-то объектам, воспринимаемым психикой человека. Второе значение, таким образом, представляет собой **языковую метафору**, каковая и употреблена И. Сельвинским.

Скучная тундра лежит предо мной...

Закрывшая волны унылая тундра.

В данном текстовом фрагменте употреблены два адъектива-метафоры: *скучная* и *унылая*. Аналогичное словоупотребление наблюдается и в отношении прилагательного *скучная*. СУ [16, с. 277] даёт значение данного слова как «испытывающий скуку»; «наводящий скуку, неинтересный». Здесь в первом значении прилагательное относится к человеку, во втором – к тем объектам, которые воспринимает и оценивает человек. И также второе значение представляет собой языковую метафору.

В языковой технике второго способа вторичной номинации отражена **комбинаторно-синтезирующая деятельность сознания**, а это значит, что в присвоении имени объекту (явлению) в данном случае участвуют другие наименования, уже имеющиеся в языке. Т. е. вторичная номинация состоит здесь в том, что вместе с **непрямым отражением действительности**, отражением, воспринявшим на себя некоторые элементы предшествующего значения, смысл нового наименования формируется и под воздействием содержания другого имени, детерминирующего отражение действительности в том или ином ракурсе её рассмотрения и опосредующего, через указанное предшествующее значение, это отражение, например:

Я вдруг задумался. Мучаюсь рядом.

Что ж им прочесть, например?

В глазах каруселью прошла пантомима.

Здесь сформировавшееся понятийное содержание именований соотносится с внеязыковой действительностью косвенно, а не прямо.

Принимая во внимание такую лингвистическую основу поэтического искусства, как **внутренняя форма слова**, мы склонны считать, что в основе метафористики лежит возможность создания новых (обновлённых) представлений. В художественном произведении разные метафорические приёмы дают возможность раскрытия предмета как эстетической ценности; а внутренняя форма как способ представления помогает особому видению предмета. Но переосмыслению подлежит только слово семантически зависимое, ключевое же соответствует своему лексическому значению, которое не раскрывает смысловых оснований выбора комбинаций номинативных средств. Традиционно принято считать, что метафорическое значение реализуется благодаря **контекстному указанию**. В контексте элементы текста взаимодействуют между собой, детерминируя друг друга. Между метафорическим высказыванием и контекстом мы усматриваем отношения **контрдетерминации**. Контрдетерминация способствует обнаружению семантического взаимодействия между метафорой и контекстом, и именно это взаимодействие являет собой качество метафоризации. Таким образом, метафоризованная лексема отличается от автологических единиц:

Пастух на коне – прямой конквистадор –

В черной маске от мошкары.

Свои аргументы исследователи метафоры часто выстраивают на сходных примерах типа *Человек – это*

волк, что и заставляет их спорить о свойствах подобного сравнения. Х. Ортега-и-Гассет отвергает мысль о полной идентичности сравниваемых предметов, считая это абсурдом, утверждая, что «эти образы сопротивляются взаимопроникновению, отталкиваются друг от друга» [17, с. 156]. Писатель их сводит не для того, чтобы доказать реальность их сходства, а скорее, чтобы «подчеркнуть реальное несходство обоих предметов» [17, с. 156], потому что там, где есть полное сходство, нет метафоры, а есть сравнение (*сердце как камень*) или прямая идентификация (*алюз – это столетник*). Свои умозаключения относительно сути метафорического процесса Х. Ортега-и-Гассет выражает тоже метафорически: «В столкновении предметов ломается их твердый остов» [17, с. 157]. И действительно, говоря *Человек – это волк*, мы прежде всего создаем оценочное предложение, в котором на основе прямого уподобления даем умозрительную характеристику соответствующему человеку: жестокий, злой, коварный, бездушный – не по внешнему виду, а по характеру и поступкам. Например, у Сельвинского:

По всем паразитам,

По тлям, по убожью...

Максимальная глубина присуща тем метафорам, в которых лексема, реализуемая функционально-семантически, представлена существительными, **имплицитными значениями** признака: *запах революции*. В этой грамматической метафоре главный субъект – обозначение свойства, конечного признака, вспомогательный же – существительное, имеющее **реляционную семантику**.

Как показывают исследования отечественных лингвистов, поэтическая метафора обладает мотивированностью, более того, признается, что мотивированность – непреложное условие ее функционирования [18, с. 16]. Для поэтической метафоры первой половины XX века (в т. ч. и метафоры И. Л. Сельвинского в некоторой части) характерен классический перенос признаков, которые лежат в основе русского метафорообразования. Признаки эти – мотивационные.

На мотивированность опираются многие из сегодняшних классификаций метафоры (в том числе поэтической), например, классификация, предложенная Г. Н. Скляревской [18], где выделяются восемь типов метафорических моделей по способу переноса. Первые пять типов метафоризации проходят в границах объективной действительности:

1) от предмета к предмету: *серебристый целкаш – луна;*

2) от человека к человеку: *председатель ... глядит угонщиком;*

3) от животного к человеку:

Аферист, меняющий на галопы рысь,

Переходящий в карьер напоследок;

4) от предмета к человеку:

Чтобы рабочий класс Камчатки

Не был «камчаткой» в рабочем классе;

5) от предмета к физическому явлению (*галера – тяжелая работа*, пример Г. Н. Скляревской).

Следующие три типа метафоризации обнаруживают разрыв между миром абстракции и миром реалий и представляют иное соотношение компонентов:

6) от предмета к явлению, психологическому чувст-

ву (*грязь – что-либо уничтожающее*);

7) от предмета к отвлеченному понятию (*чтобы кровей придать математике*);

8) от явления физического к психическому явлению (*где-то под ложечкой пели ручьи*).

Нередки случаи, когда стертая метафора, получившая обработку, «огранку» художником слова, приобретает новую жизнь. В узуальной метафоре функция создания художественной образности переходит на лексическое окружение, что и способствует её «оживлению», поэтизации. Чем больше метафора «стирается», переходя в разряд языковых, тем вероятнее она будет получать подкрепление со стороны контекста, и наоборот, чем она ярче, тем меньше будет контекст участвовать в приращении смысла, например, у Сельвинского: *от масляных красок млея*. Именно благодаря прилагательному *масляный* языковая, стёртая метафора *млея от красок* (природы) получает новую жизнь, переходя в разряд художественных метафор. Значение денотата переходит в пределах семантической сферы *предметный, физический мир*.

Дискуссионным пунктом отечественной метафорологии является «точка соприкосновения» сравнения и метафоры. Лингвистическая поэтика содержит различные мнения в отношении того, как функционируют в тропах словоформы творительного падежа. **Творительный метафорический** может быть представлен нарицательным существительным: *Плацдарм циркулем кружится* [2, т. 4, с. 14] – и существительным собственным: *глядит Наполеоном*. Признавая вполне приемлемым этот термин («творительный метафорический»), мы не игнорируем, однако, и понятие **творительный сравнения** в тех случаях, когда имеем дело с чистым сравнением без семантических приращений и трансформаций общего смысла (например: *Сопка орудием дальнего действия / палит бомбы*), хотя приведенные выше примеры, безусловно, метафоры.

Н. Н. Кузнецова описывает такое заметное явление, как **распространение прилагательным** метафоры с генитивом. И она отмечает, что прилагательное относится лишь ко второму из двух – необразному существительному, как бы подчёркивая его буквальность: *туман испулённых растений*; *провалы чёрной тучи* – примеры Н. Н. Кузнецовой из стихотворений В. Набокова и И. Бунина [19, с. 127]. Такой способ распространения прилагательным, разумеется, не единственный в креативной метафористике художественно-поэтической речи. Н. Н. Кузнецова говорит и о других его разновидностях в генитивной метафоре. Как легко можно убедиться, распространяться адъективной словоформой может и другой член метафорического словосочетания. Такие примеры имеют место и в исследуемом произведении: *в стеклянном гробу зоопарка*; *из трещин окраин*, – однако они единичны, а значит, не представляют характерный признак идиостиля автора.

В художественной метафоре **гранясь в линейный смысл** (*Встает за четвертым Курильским проливом // Сизая масса туч*) мы обращаем внимание на то, что в качестве способа образования метафорического деепричастия здесь уместнее указать овеществление (а не олицетворение, первая мысль о котором возникает в связи с глаголом *встает*), кроме того, значение здесь

затрагивает не только тематический разряд «физический мир» (метафора относится к мысу, географическому объекту), но также и «психический мир» (смысл, данный здесь в винительном падеже). Такая метафора не сводится к простой сумме лексических значений: значение метафоры всегда превышает сумму значений-компонентов. Отсутствие одного компонента, например, объекта сравнения, может расширить семантику и увеличить количество интерпретаций. Можно предположить, что объектом данной метафоры (правым её элементом, *secundum comparationis*) является, например, алмаз, отчётливость граней которого сравнима с чётко обозначившимся *смыслом* в восприятии рассказчика. Такую интерпретацию подсказывает внутренняя форма возвратного дееспричастия *гранясь*.

В следующем примере автор употребляет прилагательное *штопорный*, которое в СУ помечено как отымённое прилагательное к существительному *штопор* во 2-м значении, т. е. к значению «фигура высшего пилотажа – стремительное падение вниз по винтовой линии (*авиаци.*)» [16, с. 561]. И. Сельвинский употребляет данное прилагательное в качестве эпитета к существительному *круговорот*. В СУ данное существительное толкуется как «беспрерывный процесс, с постоянным возвращением к исходному положению, к началу» и «беспрерывное движение, изменение чего-н.» [20, с. 191]. В данном случае, очевидно, слово *круговорот* употреблено во втором значении. Это чисто художественная, авторская метафора, так как значение её глубоко. Можно только догадаться, что И. Сельвинский имеет в виду сравнение путешествия по бурному морю, сопровождающегося беспрерывным повторением стремительных падений вниз по винтовой линии в пучину океана (предположительно, чередующихся с взлётами, однако словесно эта мысль не выражена).

Справа и слева привычно и просто

Законное буйство пышных кулис.

Относительное прилагательное *законный* употреблено поэтом в соответствии со значением «перен. позволительный, допустимый, понятный с нравственной или логической точки зрения» [21, с. 711]. Это позволяет говорить о том, что ситуация природы измеряется в категориях человеческого бытия, законности.

Существительное *буйство* в СУ, так же как и в словаре Ожегова, характеризует обозначаемое им явление только с отрицательной стороны: «шумные и угрожающие выходки, самоуправство, связанное с насилием, драка» [21, с. 138]. Значит, И. Сельвинский употребил существительное *буйство* в переносном значении, как производное от *буйный* в том значении, которое словарём Ожегова отмечено как «быстрый в росте, обильный» (о растительности) [22, с. 58], поскольку придал ему положительный смысл с экспрессией и эмоциональностью: «обилие, поражающее глаз и воображение».

Прилагательное *пышный* в СУ имеет значения: «роскошный, нарядный, великолепный; легко, воздушно вздымающийся, лёгкий и как бы взбитый» [16, с. 161]. В тексте употреблено в первом значении.

Существительное *кулиса* в указанном словаре имеет значения: «боковая декорация; театральная, актёрская среда; рычаг или система рычагов, служащая для перемены хода машины» [20, с. 211]. Сельвинский сравнивает

берега с декорациями, употребляя существительное *кулисы*. Оно появится в поэтическом очерке ещё раз:

А по окружью в разбег очей –

Кулисы, кулисы, кулисы.

Сходный прием находим в строчках:

Этот, возбуждающий классовую ненависть,

Сей аристократический гриф.

Речь идет о характере течения реки Камчатки, которую поэт сравнивает с европейскими реками и не находит соответствия. И вновь применен прием острашения и перифразирования.

Развивая тему последнего примера, приведём ряд метафор из рассматриваемого произведения, относящихся к семантической сфере «абстракция»:

Ни приседанья фрейлины Роны,

Ни рыцарские реверансы Риона,

Ни позы Невы, не знающей дна,

Ни в четырёх коронах Дунай... – начальный тематический разряд (**левый элемент**, т. е. **субъект** в предикативной паре, **референт**, первый член метафорического сравнения, **primum comparationis**) – «абстракция» (*приседанья, реверансы, позы*).

Их почерк мужицки крив – начальный тематический разряд «абстракция».

Сделала б честь – идиоматический оборот. Соотносится с тематическим разрядом «абстракция».

Уронит образ благолепий – начальный тематический разряд – «абстракция».

Прозрачная ясность ... волшебная ясность воды – конечный тематический разряд (**правый элемент, предикат, агент**, второй член метафорического сравнения, **secundum comparationis**) – «абстракция».

Нечаянный блик двупланных идей (об остроте) – начальный тематический разряд – «абстракция».

(Блистаи) *всем своим номиналом сполна* – задействован тематический разряд «абстракция» (**номинал**).

Соревнованье с Юпитером – начальный тематический разряд – «абстракция».

Разбегавшийся издали гул – тематический разряд – «абстракция».

С неукротимостью юного девства – конечный тематический разряд – «абстракция».

Охватит испуг – начальный тематический разряд «абстракция» (*испуг*).

(Тенденции) *Шаткие* – начальный тематический разряд «абстракция».

В лакировочном глянце – тематический разряд «абстракция».

Лирические цеха,

Пафос которых заперт – конечный тематический разряд «абстракция».

Поэтический рапорт – конечный тематический разряд «абстракция».

В следующем фрагменте текста:

Хребты вылезают, как ящеры.

И, выгибая крестцовый хрящ,

Камчатка являет своё настоящее – употреблен глагол *вылезать*, среди значений которого: «лезть откуда-нибудь, выходить ползком, цепляясь руками и ногами; выходить (*разг. фам.*); выпадать, осыпаться (*о волосах, шерсти*); неуместно выступать с каким-н. заявлением, замечанием (*разг. неодобрит.*)» [21, с. 209]. Здесь данное

слово использовано автором в значении «бросаться в глаза среди окружающего ландшафта». А. Ю. Корбут тоже считает частеречную принадлежность не последним фактором лингвопоэтики: «Динамический аспект композиции любого художественного текста непосредственно выражается на грамматическом уровне. Основными морфологическими признаками <...> являются наклонение, вид и время глаголов-сказуемых, а также статистическое преобладание глаголов, имен существительных или имен прилагательных» [23, с. 72–73].

Динамизм и оживление природных явлений наблюдается и в следующих строках:

*В узкое сердце, в жилые недра
Кряжей, прыгающих чехардой.*

В данном фрагменте текста поэт употребил причастную форму глагола *прыгать*. В СУ указываются его значения: «делать прыжки или прыжок; ударившись о землю, о что-н. твердое, отскакивать эластично вверх, в сторону (разг.); *перен.* делать быстрые и резкие движения (разг. фам.)» [16, с. 154]. Именно к последнему значению относится метафора И. Сельвинского «прыгающие чехардой» – значит создающие хаос, неразбериху в глазах наблюдающего, хотя семантически существительное *чехарда* первично означает игру, которая имеет определённые правила.

Показательна и следующая строка:

Или, в скульптурную кладку вринясь – где вринясь –
окационализм, употреблённый в значении «врезавшись», от глагола *врезаться*, т. е., согласно СУ, «вонзиться, воткнуться чем-н. узким, острым» или «*перен.* стремительно, с силой ворваться (в толпу)» [21, с. 188]. Экспрессия и образность – налицо.

*Но посредине за островом остров
Декоративной клумбой вились...*

Глагол *витья*, употреблённый в данном фрагменте, имеет значения: «обвиваться, заплетаться вокруг чего-н.»; «завиваться в кудри»; «кружиться в воздухе, вздыматься»; «летать, кружась в воздухе»; «делать извилистые движения, извиваться»; «вертяться, ласкаться около кого-н., увиваться (разг.)» [21, с. 153]. Ни одно из этих значений не подходит по контексту: *острова вились клумбой...* Следовательно, здесь мы имеем художественную, авторскую метафору.

Рассмотрим следующий пример:

Атласный век возвратился назад.

Глагол *возвратиться* в СУ имеет значения: «прийти, приехать обратно, вернуться; возобновить прежние отношения с кем-н., прежние занятия чем-н., вернуться к чему-н. прежнему; опять появиться, возобновиться, восстановиться» [21, с. 161]. В тексте И. Сельвинского оно употреблено в значении «возобновиться». В процитированном отрывке происходит перенос значения денотата с семантической сферы *предмет* на семантическую сферу *абстракция (время)*.

Образцом тонкого умения пользоваться метафорическими выражениями служат следующие стихи И. Л. Сельвинского:

*И странный день, похожий на вечность,
Стоит в апатической тишине.*

День стоит – языковая метафора. Судя по СУ, здесь полисемантический глагол *стоять* употреблён в значении *быть* [16, с. 291]. У других поэтов такое упот-

ребление и сочетание слов тоже встречается: «Весь день стоит как бы хрустальный...» (Ф. И. Тютчев).

*И, выгибая крестцовый хрящ,
Камчатка являет свое настоящее.*

Крестцовый – прилагательное к существительному *крестец*. «Крестец – кость из пяти сросшихся позвонков, примыкающих к костям таза» [20, с. 163]. Следовательно, И. Сельвинский употребляет данное прилагательное в качестве метафоры-олицетворения с опорой на ассоциации по зрительному сходству, создающему образ живого существа в океане. Вычурность образов – принципиальная установка автора. Приведем еще подобные примеры: *жилые недра кряжей; залит сиятельной водой; дебелая, белолицая, вынянчившая нас Луна*. Одушевление природы продолжается здесь в общем контексте развития образов.

Художественная описательность подобных строк перемежается с интонациями восхищения:

Горной готики строгий канон.

Имя прилагательное *строгий* в СУ имеет шесть значений, два из которых, как нам видится, относятся к контексту данного фрагмента: «2. не допускающий никаких отклонений, отступлений от принятых норм, предписаний, совершенно точный» и «5. правильный, отвечающий требованиям определённого стиля, нормы» [16, с. 311]. При этом прилагательное в более употребительном значении (в первой половине дефиниции) содержит коннотацию одушевлённости, т. е. оттенки значения «не допускающий никаких отклонений, отступлений от принятых норм, предписаний» относятся к семантической сфере *человек*, а в переносном значении данное прилагательное имеет коннотацию неодушевлённости, т. е. его значение относится к семантической сфере *абстракции*. С помощью таких адъективных метафор автор добивается эстетического эффекта, соотнося явления природы с высоким искусством.

Как видим, И. Сельвинский пишет об окружающем пейзаже, давая ему когнитивно-экспрессивную оценку. Его «метафорическая картина мира», складываясь из метафорических номинаций, которые, в свою очередь, «выступают языковыми репрезентантами тех или иных метафорических концептов» [24, с. 53–54], вполне соотносима с авторской языковой картиной мира поэта, где «совокупность таких концептов в целом составляет метафорическую концептосферу языка» [24, с. 53–54]. Но необходимо отметить, что понимание определенных метафорических образований у И. Сельвинского достигается не только вследствие внутритекстового толкования, но и экстралингвистического подхода (фоновых знаний, предтекстовой информации и др.).

Итак, основной составляющей текста И. Сельвинского является система вторичных (в том числе косвенных) номинаций, из которой автор отбирает необходимые средства для адекватного воплощения своего творческого замысла. В число этих средств входят: аллюзии, отсылки к другим текстам, реминисценции, синекдоха, метонимия пространственная, временная и логическая, языковая метафора, творительный метафорический, распространение прилагательным метафоры с генитивом. Между метафорическим высказыванием и контекстом усматриваются отношения контрдетерминации. Номинативная ценность метафорического выра-

жения зависит от содержащейся в нём информации, одновременно комбинаторно-синтезирующая деятельность сознания реципиента через не прямое отражение действительности воспринимает как внутреннюю форму слова, так и контекстное указание. В целом основ-

ные закономерности метафорического переноса в поэтическом творчестве И. Сельвинского вполне коррелируют с установками, общепринятыми в поэтических течениях его эпохи.

Литература

1. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. К., Телия В. Н., Уфимцева А. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
2. Сельвинский И. Л. Путешествие по Камчатке. Поэтический очерк // Сельвинский И. Л. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 4. С. 5–22.
3. Киклевич А. К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 444 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Темиршина О. Р. Символизм как миропонимание: линия Андрея Белого в русской поэзии последних десятилетий XX века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 496 с.
6. Ахмедова Ю. А. Идиостиль сонетов И. Северянина из цикла «Медальоны»: дис. ... канд. филол. наук. Челябинский гос. пед. ун-т. Орск, 2007. 219 с.
7. Ястребов-Пестрицкий М. С. Аспекты изучения метафористики как лингвистической проблемы // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. № 2. С. 137–142.
8. Ястребов-Пестрицкий М. С. Диалектизмы, топонимы, гидронимы, арготизмы и просторечия в построении метафорического текста И. Сельвинского // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. № 5. С. 43–49.
9. Ястребов-Пестрицкий М. С. Концепция вторичной номинации в общенациональном языке и языке художественной литературы // Вестник МГОСГИ. 2013. № 2(14). С. 82–90.
10. Ястребов-Пестрицкий М. С. Метафора семантической сферы "физический мир" в поэзии И. Сельвинского (на материале поэтического очерка "Путешествие по Камчатке") // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2014. № 5-4. С. 156–162.
11. Ястребов-Пестрицкий М. С. Метафора – составляющая идиостиля поэта // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3-2. С. 187–192.
12. Ястребов-Пестрицкий М. С. Наиболее распространённые типы классификаций образных средств языка (на материале поэтического очерка И. Л. Сельвинского «Путешествие по Камчатке») // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. № 5. С. 176–181.
13. Ястребов-Пестрицкий М. С. Семантический анализ метафоры И. Сельвинского // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 293–299.
14. Ястребов-Пестрицкий М. С. Стилиевые приёмы и типы переосмыслений в русской поэтической метафоре // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4-1. С. 190–196.
15. Ястребов-Пестрицкий М. С. Тематический состав метафор И. Сельвинского (на материале поэтического очерка «Путешествие по Камчатке») // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3-1. С. 218–224.
16. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.-Л.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1940. Т. 4. 1502 стб.
17. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Эссе на эстетические темы в форме предисловия // Эстетика: Хрестоматия / сост. Л. П. Квашина. Донецк: ДонГУ, 1999. С. 150–161.
18. Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 153 с.
19. Кузнецова Н. Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 594 с.
20. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.-Л.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1939. Т. 3. 1486 стб.
21. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.-Л.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935. Т. 1. 1562 стб.
22. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
23. Корбут А. Ю. Лингвистическая поэтика: пособие для практического анализа. Иркутск: Восточно-Сибирская государственная академия образования, 2011. 160 с.
24. Кравцова Ю. В. Семантико-когнитивный анализ метафоры языка: от метафорической картины мира к метафорической концептосфере // Вестник Днепровского университета. 2011. № 11. С. 53–60.

THE SPECTRUM OF SECONDARY NOMINATIONS IN I. SELVINSKY'S POETIC ESSAY "JOURNEY ACROSS KAMCHATKA PENINSULA"

Mikhail S. Yastrebov-Pestritskiy^{1, @}

¹ State archive of the Russian Federation, 17, Bolshaya Pirogovskaya St., Moscow, Russia, 119435
@ myp-63@mail.ru

Received 29.11.2016.

Accepted 02.08.2017.

Keywords: secondary nomination, indirect nomination, metonymic transfer, semantic field, crossing the value of the denotation.

Abstract: From scientific literature it is known that the phenomenon of indirect nomination belongs to the periphery of the lexical-semantic system of the language and is still poorly studied (as, for example, V. N. Teliia's works indicate). Our factual material shows that I. Selvinsky uses indirect nomination as a technique of metaphorical transfer, to create vivid artistic images and associations. In general, I. Selvinsky's secondary nomination reflects individually meaningful figurative linguistic worldview due to its semantic duality, based on similar characteristics of two or more denotations that are implemented in the context of the work. Judging by the features of the "behavior" of the metaphors in the syntax against the background of related phenomena, one can conclude that the units in question do not coincide with from the literary norm of that time and present, as based on the results of this mini-study, where we analysed and described the relationship of the secondary nomination as a linguistic phenomenon with the stylistics of artistic speech, which is determined – in this case – by specifics of the essay genre.

For citations: Yastrebov-Pestritskiy M. S. Spektr vtorichnykh nominatsii v poeticheskom ocherke I. Sel'vinskogo «Puteshestvie po Kamchatke» [The Spectrum of Secondary Nominations in I. Selvinsky's Poetic Essay "Journey across Kamchatka Peninsula"]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 223–230. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-223-230.

References

1. Serebrennikov B. A., Kubriakova E. S., Postovalova V. K., Teliia V. N., Ufimtseva A. A. *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke: Iazyk i kartina mira* [The role of human factor in the language: The language and the picture of the world]. Moscow: Nauka, 1988, 173–204.
2. Selvinsky I. L. *Sobranie sochinenii* [Collected works by I. L. Selvinsky]. Moscow: Hudozh. lit., vol. 4 (1973): 5–22.
3. Kiklewicz A. K. *Dinamicheskaja lingvistika: mezhdru kodom i diskursom* [The dynamic linguistics: besides the code and the discourse]. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr, 2014, 444.
4. *Lingvisticheskii entsyklopedicheskii slovar'* [The linguistic encyclopaedic dictionary]. Ed. Iartseva V. N. Moscow: Sovetskaja entsyklopedija, 1990, 685.
5. Temirshina O. R. *Simvolizm kak miroponimanie: liniia Andreia Belogo v russkoi poezii poslednikh desiatiletii XX veka*. Diss. doktora filol. nauk [Symbolism as a world view: Andrey Belyi's line at the Russian poetry of the last decades of the 20th century. Dr. filol. Sci. Diss.]. Moscow, 2012, 496.
6. Akhmedova Iu. A. *Idiostil' sonetov I. Severianina iz tsikla "Medaliony"*. Diss. kand. filol. nauk [The idiostyle of I. Severyanin's sonnets from the cycle "The medallions". Cand. philol. Sci. Diss.]. Chelyabinsk stat. ped. un-t. Orsk, 2007, 219.
7. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Aspekty izucheniia metaforistiki kak lingvisticheskoi problemy [The aspects of studying metaphors as a linguistic problem]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorii i filologiiia = The Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, no. 2 (2016): 137–142.
8. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Dialektizmy, toponimy, gidronimy, argotizmy i prostorechiia v postroieniia metaforicheskogo teksta I. Sel'vinskogo [Dialect words, place names, hydronyms, ergotizma and colloquialisms in the creating metaphor text by I. Selvinsky]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorii i filologiiia = The Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, no. 5 (2016): 43–49.
9. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Kontseptsiiia vtorichnoi nominatsii v obshchenatsional'nom iazyke i iazyke khudozhestvennoi literatury [The conception of secondary nomination in the whole-nation language and the language of fiction]. *Vestnik MGOSGI = Herald of the Moscow State Regional Social-Humanitarian Institute*, no. 2(14) (2013): 82–90.
10. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Metafora semanticheskoi sfery "fizicheskii mir" v poezii I. Sel'vinskogo (na materiale poeticheskogo ocherka "Puteshestvie po Kamchatke") [The metaphor of semantic sphere "the physical peace" in I. Selvinsky's poetry (in the context of Selvinsky's poetic essay "A Journey across Kamchatka")]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorii i filologiiia = The Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, no. 5-4 (2014): 156–162.
11. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Metafora – sostavl'aiushchaia idiostil'a poeta [The metaphor is a component of poet's idiostyle]. *Istoricheskaja i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl' = Historical and social-educational ideas*, no. 3-2 (2016): 187–192.
12. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Naibolee rasprostranionnyie tipy klassifikatsyi obraznykh sredstv iazyka (na materiale poeticheskogo ocherka I. L. Sel'vinskogo "Puteshestvie po Kamchatke") [The most common types of classifications of

expressive means of the language (in the context of Selvinsky's poetic essay "A Journey across Kamchatka"). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorii i filologiya* = *The Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, no. 5 (2015): 176–181.

13. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Semanticheskii analiz metafory I. Sel'vinskogo [The semantic analysis of I. Selvinsky's metaphor]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* = *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 2 (2014): 293–299.

14. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Stilevyie priiomy i tipy pereosmyslenii v russkoi poeticheskoi metafore [The styles and types of reconsiderations in the Russian poetic metaphor]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* = *Historical and social-educational ideas*, no. 4-1 (2016): 190–196.

15. Yastrebov-Pestritskiy M. S. Tematicheskii sostav metafor I. Sel'vinskogo (na materiale poeticheskogo ocherka "Puteshestvie po Kamchatke") [The thematic composition of I. Selvinsky's metaphor (in the context of poetic essay "A Journey across Kamchatka")]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* = *Historical and social-educational ideas*, no. 3-1 (2016): 218–224.

16. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. Ushakov D. N. Moscow; Leningrad: Sovetskaya entsiklopediya; OGIZ, vol. 4 (1940): 1502.

17. Ortega y Gasset J. Degumanizatsiya iskusstva. Esse na esteticheskiye temy v forme predisloviya [The dehumanization of arts. The essay on aesthetic themes in the pre-words form]. *Estetika: Khrestomatiya* [Aesthetics. Chrestomathy]. Ed. Kvashina L. P. Donetsk: DonGU, 1999, 150–161.

18. Skliarevskaya G. N. *Metafora v sisteme iazyka* [The metaphor in the language system]. Saint-Petersburg: Nauka, 1993, 153.

19. Kuznetsova N. N. *Sredstva sozdaniya ekspressivnosti v russkoi poezii XX veka*. Diss. doktora filol. nauk [The means for creation an expressivity in Russian poetry of XX century. Dr. philol. Sci. Diss.]. Moscow, 2011, 594.

20. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. Ushakov D. N. Moscow; Leningrad: Sovetskaya entsiklopediya; OGIZ, vol. 3 (1939): 1486.

21. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. Ushakov D. N. Moscow; Leningrad: Sovetskaya entsiklopediya; OGIZ, vol. 1 (1935): 1562.

22. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of Russian language. 80 000 words and expressions]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik, 1999, 944.

23. Korbut A. Iu. *Lingvisticheskaya poetika* [The linguistic poetics]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskaya gosudarstvennaya akademiya obrazovaniya, 2011, 160.

24. Kravtsova Iu. V. Semantiko-kognitivnyi analiz metaforiki iazyka: ot metaforicheskoi kartiny mira k metaforicheskoi kontseptsfere [The semantic-cognitive analysis of language's metaphors: from metaphoric picture of a peace to metaphoric concept-sphere]. *Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta* = *The Science magazine of Dnepropetrovsk university*, no. 11 (2011): 53–60.